

Юрий КОВАЛЬ

СЭР СУЕР-ВЫЕР

Фрагменты пергамента

СКРИП И ШЕЛЕСТ

Темный крепдешин ночи окутал жидкое тело океана.

Наш старый фрегат «Лавр Георгиевич» тихо покачивался на волнах, нарушая тишину тропической ночи только скрипом своей ватерлинии.

— Фок-стаксели травить налево! — раздалось с капитанского мостика.

Вмиг оборвалось шестнадцать храпов, и тридцать три мозолистых подошвы выбили на палубе утреннюю збрю.

Только мадам Френкель не выбила зорю. Она плотнее закуталась в свое одеяло.

— Это становится навязчивым, — недовольно шепнул мне наш капитан Суер-Выер.

— Совершенно с вами согласен, сэр! Невыносимо слушать этот шелест одеял.

— Шелест? — удивился капитан. — Я говорю про скрип нашей ватерлинии.

— Позвольте возразить, сэр, — заметил я. — А не пора ли кинуть известный вам якорь?

ОСТРОВ ПОСЛАННЫХ НА...

Необычной, какой-то неокеанической красоты, высоты, изящной длины открылся нам остров, стоящий посреди океана.

Казалось, он вулканического происхождения, потом казалось — нет. И все же что-то вулканическое угадывалось в его мощных очертаниях.

Когда мы подплыли поближе, то с удивлением обнаружили, что остров весь уставлен людьми. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, и, казалось, втиснуться между ними не было никакой возможности.

Подведя «Лавра» поближе, старпом крикнул в мегафон:

— Кто вы?

Островитяне обрадовались нашему неожиданному любопытству и дружно прокричали:

— Мы — посланные на...

— Ничего не понимаю, — сказал Суер. — Давайте подойдем к острову с зюйда.

«Лавра» привели к другому берегу, и старпом снова проревел в трубу:

— Кто вы?

— Мы — посланные на... — дружно ответствовали островитяне.

— Приходится констатировать, — пожал плечами Суер, — что это действительно люди, посланные на...

— А за что вас послали? — крикнул старпом.

— А по разным причинам, — дружелюбно поясняли наши островитяне, — а больше без причин.

— Ну и что вы теперь делаете?

— А ничего особенного. Стоим на этом каменном... посреди океана. Иногда хлебопашествуем. Бортничаем. Выращиваем сахарную свеклу.

— Но позвольте, — развивал беседу сэр Суер-Выер, — признаться, меня самого не раз посылали на... Но что-то я не вижу

среди вас, так сказать, себя. Я тут, на корабле, а вы — на острове.

— О, что вы, капитан, — ответствовали посланцы, — где-то между нами, конечно, имеется не только вы, но и вся ваша команда.

— Эй, ребята, — крикнул кто-то из посланцев, — нет ли среди нас Суера-Выера или кого-нибудь из команды этого фрегата?

К нашему изумлению, островитяне слегка пораздвинулись и к берегу протиснулись семь или восемь Суеров-Выеров в капитанских фуражках.

За Суерами продирались лоцманы Кацманы, а за ними пятнадцать штук меня.

Наши двойники замахали нам пилотками, восклицая:

— Да, да, это мы... А мы — это вы, посланные на... Вас посылают. А мы тут отдуваемся, сахарную свеклу выращиваем.

За Суером, за лоцманом, за мною стала продирается к берегу. пожалуй что, вся наша команда.

— Наши приехали, наши, — радостно гомонили они. — Хотите поглядеть на братьев.

Были тут, конечно, и многочисленные Хреновы и многократные Семеновы, но особенно много оказалось боцманов Чугайло. Он измерялся сотнями.

Это неожиданно понравилось капитану.

— Позовите боцмана, — приказал он.

Чугайло явился на палубу в каких-то полупортах, в одной подтяжке, крайне раздраженный тем, что его разбудили.

— В чем дело, кэп, — ревел он, — чья вахта? Поспать не дадут! В чем дело?

— А дело в том, господин Чугайло, что я хотел бы послать вас на...

И тут Суер, недолго думая, взял да и послал.

И что же вы думаете?

Среди островитян немедленно объявился новенький боцман в полупортах и подтяжке.

А старый Чугайло, хоть и посланный, остался стоять на борту. Тут все наперебой стали посылать боцмана на... и на острове становилось все больше и больше боцманов.

Чугайло терпел-терпел, да вдруг взял да и всех нас послал на... и мы тут же очутились на берегу, хотя и оставались на борту.

Тут на нас разобиделись островитяне.

— И так места нет, — бубнили они, — а вы друг друга все посылаете и посылаете. А ведь вы не одни на свете. Вся планета, а в особенности Московская область, то и дело посылает кого-нибудь на... Если уж вы так хотите, то пошлите нам кого-нибудь из сановников или руководителей предприятий.

Ну, мы не стали чиниться и дружно послали пару сановников и с десяток руководителей другого ранга.

Островитяне охотно потеснились, и наши посланцы дружно выстроились в их рядах.

Надо сказать, что они тут же стали демократичны, жали другим посланным руки и всячески братались.

— С посланными все ясно, — сказал капитан, — но интересует еще и судьба пославших. Неужели для них особый остров?

— Что вы, что вы, капитан, пославшие тоже тут, среди нас. Ведь любой посланный тут же и пославшего посылает. Так что

у нас большое равенство. Настоящая демократия, сэр!

— Ах, — сказал Суер, — надо отплывать, но все-таки напоследок я очень хочу послать на... такого-то товарища. Разрешите, братцы!

Мы дружно разрешили, и капитан послал.

Я крепился-крепился, а потом последовал примеру нашего великого капитана: взял да и послал одного там на... Послал, но тут же пожалел, такой уж у меня характер. Но отозвать посланного обратно, как вы сами понимаете, было уже невозможно.

ОСТРОВ ГОЛЫХ ЖЕНЩИН

Никаких женщин мы не смогли различить поначалу даже в самую сильную телескопическую трубу. Да и то сказать, у трубы топталось столько матросов, что окуляры отпотевали.

Наконец, на песчаный бережок вышли две дамы в резиновых сапогах и норковых телогрейках. Они имели золотые на носу пенсне.

Заприметив нашего «Лавра», дамы принялись раздеваться.

При этом они заманивали нас зазывными знаками и зазывали заманчивыми.

Мы крепились у телескопа, как вдруг боцман Чугайло содрал с головы фуражку, шмякнул ею о палубу и прямо с борта кинулся в океан.

Ввинчиваясь в воду, как мохнатый шуруп, он с рычаньем поплыл к острову.

Мы быстро сплели из корабельного каната лассо, метнули и втащили рычащего боцмана обратно на «Лавра».

Тут неожиданно напрягся матрос Вампиров. Сжал губы, побледнел и вывалился за борт.

Мы мигом метнули лассо, но в момент покрытия Вампиров предательски нырнул, и лассо вернулось на борт пустым, как ведро.

Тщательно прячась за волнами, Вампиров приближался к женщинам. Мы метали и метали лассо, но находчивый матрос всякий раз нырял, и наш адский аркан приносил лишь медуз и электрических скатов. Правда, на семьдесят четвертом броске притащил он и тарелочку горячих щей с профитролями.

Высочив на песок, Вампиров, простирая длани, бросился к голым женщинам. В этот момент наше зверское лассо ухватило все-таки за ногу находчивого матроса, проволокло по песку и задним ходом втащило обратно на корабль.

И вдруг на берегу рядом с женщинами объявились все-таки два подозрительных типа. Ими оказались мичман Хренов и механик Семенов.

Втайне от нас дружки спрыгнули в океан с другого борта и не дыша проплыли к острову под водой. Не говоря лишнего слова, они увлекли хохочущих женщин в заросли карбонария и чельсты.

Мы как следует наострили лассо и метнули его в эти заросли, надеясь, что оно само найдет себе пищу.

И оно нашло.

Притащило на борт два золотых пенсне.

Как два тонкопалых краба, пенсне забегали по палубе, корябились и бренчали, пока матросы не засунули их в банку с водой.

Им насыпали в банку хлебных крошек, и пенсне успокоились. Они плавали в банке, поклевывая крошки.

Из зарослей же карбонария слышался неумный хохот. Это сильно раздражало нас, и мы снова метнули лассо. На этот раз петля притащила что-то плотное.

Какой-то бочонок, оснащенный десятком пробок, обмотанных проволокой, как на бутылках шампанского, хлопал себя по животу крылышками, подпрыгивал на палубе, и внутри у него что-то булькало.

— Что за бочонок? — сказал старпом. — Что в нем? Не понимаю.

— Э, да что это вы, Пахомыч, — улыбнулся капитан. — Совершенно очевидно, это — неумный хохот. Вы слышите? В зарослях все стихло.

— Ихний неумный хохот? — удивлялся старпом. — В виде бочонка?

— Совершенно очевидно.

— Отчего же мы не хохочем?

— Это же чужой неумный хохот. К тому же и пробки закупорены. Не вздумайте их открывать, а то мы с ног до головы будем в хохоте. Он такой шипучий, что лучше с ним не связываться. Отпустите, отпустите его на волю, не мучьте.

И мы отпустили крылатый бочонок.

Он пролепетал что-то крыльями, подскокил и барражирующим полетом понесся к острову. Долетев до кустов карбонария, он сам из себя вышиб все пробки, хлынула пена, и взрыв хохота потряс окрестность.

— Уберите к чертовой матери наше лассо, — сказал капитан, — оно мне надоело. Неизвестно, что оно еще притащит. Старпом, спускайте шлюпку.

БЛЕСК ПОЩЕЧИН

Прихватив с собой на остров богатые дары: перец, лакрицу, бефстроганов, — мы погрузились в шлюпку.

Надо сказать, что никто из нас не выказывал признаков сугубого волнения или беспокойства. Немало понаоткрывали мы островов, и остров каких-то там голых женщин нас не смущал и не напугивал. Легкое возбуждение, которое всегда испытываешь в ожидании неведомого, подхлестывало нас, как попутный ветерок.

— Как прикажете, сэр? — спрашивал Пахомыч капитана. — Отобрать голых женщин у мичмана с механиком?

— Да не стоит, — отвечал благодушный капитан. — Пусть отдыхают от тяжелых матросских служб.

— Надо отнять! — возмущался лоцман. — А то нам не хватит!

— Успокойтесь, Кацман! Неужто вы думаете, что на этом острове всего две голых женщины? Поверьте, они растут как грибы. Найдется и для вас чего-нибудь.

— Первую — мне, — неожиданно потребовал лоцман. — Это, в конце концов, я провел «Лавра» к острову.

— Пожалуйста, пожалуйста, — согласился капитан. — Не будем спорить по пустякам. Берите первую.

— И возьму, — настаивал лоцман. — Я давно уже мечтаю о счастливом душезложении.

Так, дружески беседуя, мы обошли заросли карбонария, откуда слышались крики:

— Ну, Хренов! Ты не прав!

За карбонарием располагалась пестрая лагуна.

Там по песку разбросаны были маленькие ручные зеркала. Они блестяли на солнце и пускали в разные стороны пронзительных зайцев.

На краю лагуны лежала голая женщина, полностью обнаженная.

— Вон она! — закричал лоцман. — Вон она! Моя, сэр, моя! Мы так договаривались.

Лоцман прытко подбежал к голой женщине и, не долго думая, схватил ее за колено.

— Моя голая женщина, моя, — дрожал он, поглаживая колено.

Дремавшая до этого женщина приоткрыла очи.

— Это еще кто такое? — спросила она, разглядывая лоцмана.

— Это я — лоцман Кацман.

— Попрошу без хамства, — сказала женщина. — Ты кто такой?

— Я же говорю, лоцман Кацман.

Тут женщина приподнялась, подкрасила губы и, вздрогнув грудью, закатила лоцману пощечину.

— Я предупреждала, — сказала она, — перестань сквернословить. Ты кто такой?

Лоцман внутренне сжался в комок нервов и желаний.

— Я тот, — прошептал он, — ...

— Который?

— Ну тот... кто призван насладиться твоим роскошным телом.

Женщина кокетливо захихикала.

— А я-то думала, — посмеивалась она, — а я-то думала...

— Что ты думала, радость моя?

— А я думала, что ты — лоцман Кацман.

— Наконец-то, — вздохнул лоцман. — Конечно, я и есть лоцман Кацман.

Женщина нахмурилась.

— Не сквернословь! — сказала она и снова закатила лоцману пощечину.

— Как-то неловко наблюдать их наслаждение, кэп, — сообщил я капитану. — Кто знает, как далеко они зайдут.

— Оставим их, — согласился капитан, и мы двинулись по краю лагуны, направляясь к дюнам.

Шагов через двадцать мы обнаружили новую голую женщину. Она мыла бутылки в океанском прибое.

— Ну? — спросил капитан. — А эту кому?

— Только не мне, — заметил я. — Мы сюда наслаждаться приехали, а не посуду сдавать.

— Когда же это бутылки мешали наслаждениям? — резонно спросила дама, игриво полуобернувшись к нам.

Этот ее внезапный полуоборот, океанская пена и блики портвейна на розовой коже внезапно пронзили меня, и я протянул уже руку, как вдруг старпом сказал:

— А мне эта баба так что вполне подходит. Милая, хозяйственная. Перемоем бутылки и сдавать понесем. А есть ли у вас, баба, хоть какие приемные пункты?

— Полно, — отвечала голая женщина, обнимая старлома, — да только сейчас все за тарой поехали.

— А почему бутылки идут? — спрашивал Пахомыч, впиваясь в ее уста.

— А по-разному, — отвечала она, обвивая плечи старшего помощника. — Четвертинки — по десять, водочные — по двадцать, а от шампанского не принимают, гады!

— А где тут, баба, у тебя лаз?

— Чего такое? Какой еще лаз?

— Ну этот... куда лезиют.

— Э-хе-хе, — вздохнул капитан, обнимая меня за плечи и направляя немного в сторону от зарождающейся любви старлома, — как тяжело даются эти путешествия, забываешь порой не только обо всем святом, но и о простом будничном, человеческом. Ну ладно, следующая женщина — твоя.

— Я готов уступить, сэр, — ответил я. — Это ведь, простите, не очередь за билетами в Нальчик.

— Нет-нет, — улыбался Суер, — капитан ходит на берег последним. Даже на берег страсти. Так что следующая — твоя.

Я неожиданно разволновался.

Дело в том, что я опасался какого-нибудь монстра с шестью грудями или чего-нибудь в этом роде. А чего-нибудь в таком роде вполне могло появиться в этом благословенном краю.

— Да, брат мой, — говорил капитан, — следующая — твоя. Но что-то не видно этой следующей. Постой, а что это шевелится там на скале?

На скале, к которой мы неумолимо приближались, сидели три женщины, голые, как какие-то гагары.

ЗАДАЧА, РЕШЕННАЯ СЭРОМ

— О, господи! — вздохнул капитан, вытирая внезапный пот. — Проклятье! Следующая твоя, но какая из них следующая? С какой края считать?

— Не знаю, капитан, — тревожно шептал я, пожирая женщин глазами. — Справа, наверно.

— Это почему же справа? Обычно считают слева.

— В разных странах по-разному, сэр, — терялся я, прерывисто дыша.

— Чтоб не спорить попусту, возьмем из середины, — сказал Суер-Вьер. — Средняя твоя.

— Простите, капитан, — сказал я, — я не возражаю против средней, но в нашем споре есть и другое звено, которое мы недооценили.

— Что еще за звено? — раздражился внезапно Суер.

— Дело в том, — тянул я, — дело в том, что мы не только не знаем, какая следующая, то есть моя, но не знаем и какая ваша. К тому же имеется и одна лишняя.

— Лишних женщин, мой друг, не бывает, — сказал Суер-Вьер, — как и мужчин. Лишними бывают только люди. Впрочем, ты, как всегда, прав. Куда девать третью? Не Чугайле же ее везти?! Давай-ка глотнем джину.

Мы сели на песочек, глотнули джину и продолжили диалог. В голове моей от джину нечто прояснилось, и я держал, между делом, такую речь:

— Капитан! Вы сказали, что следующая — моя, а ваше слово

в наших условиях, конечно, — закон. Но вспомним, что такое женщина? Это, конечно, явление природы. Итак, у нас было первое явление — оно досталось лоцману, второе — старпому, и тут возникло третье, состоящее сразу из трех женщин. Так нельзя ли ваши слова истолковать так: следующее — твое. Тогда вопрос абсолютно решен. Все три — мои.

— Не слишком ли жирно? — строго спросил капитан. — Не урывайся. Ты, конечно, на особом положении, на «Лавре» тебя уважают, но твоя — одна. Таковы условия игры... Это уж мне... как капитану, полагается две.

— Ну что же, сэр, вы — капитан, вам и решать. Попрошу выделить мою долю от группы ее сотоварищей.

— Сейчас поделим, — сказал капитан, встал и, заложив руки за спину, принялся дотошно изучать женщин.

— Мда... — говорил он как бы про себя. — Мда-с, задача-с... Но с другой стороны, с другой-то стороны, я всегда был справедливым, поровну делил с экипажем все тяготы и невзгоды, поэтому как благородный человек я не могу позволить себе лишнего. Итак, одна — твоя, другая — моя, а третья — лишняя.

— Вряд ли, дорогой сэр, вряд ли кто из них захочет быть лишней. В конце концов мы этим можем обидеть вполне достойную особу. Это не украсит нас с вами, сэр, нет, не украсит. Пойди-ка скажи прямо в лицо человеку: ты — лишний. Это же оскорбление!

— Тьфу! — плюнул капитан, — какого черта мы не взяли боцмана? Ладно, пусть будет по-твоему. Явление так явление, следующее — твое! Забирай всех троих, а я пошел дальше.

— Вот это гениально, сэр! — обрадовался я, — я всегда говорил, что вы — гений. Девочки! Спускайтесь ко мне, у меня тут найдется для вас кое-что, вроде шерри-бренди!

— Стоп! — сказал Суер.

— В чем дело, кэп?

— Ты неправильно оценил мой поступок. Ты назвал его гениальным — нет. Это добрый, это благородный поступок, но не гениальный.

— В данной ситуации это уместное преувеличение, сэр, — потупился я.

— А как бы хотелось найти гениальное решение!

Сэр Суер-Вьер застегнул китель, стряхнул с рукавов пылинки и, откозыряв дамам по-капитански, направился прочь.

Он прошел пять шагов и вдруг круто развернулся.

— Идти мне дальше незачем, — с неожиданной строгостью во взоре сказал он, — за эти пять шагов я решил задачу: одна женщина — твоя, а две — мои.

— Это — малогениально, сэр. Вы сами были за справедливость.

— Все справедливо. Итак, послушай: одну женщину — тебе, другую — Суеру, а третью — Вьеру.

БЕЗДНА НАСЛАЖДЕНИЙ

Благородные дамы все это время внимательно слушали нас, хотя и не проронили ни слова. Их веское молчание подчеркивало природное благородство.

Когда же капитан закончил, крайняя справа, недаром отмеченная мной, повела плечом.

— Уважаемые господа, — говорила она, — мы с удовольствием выслушали ваши ученые доводы и насладились философским спором. Позвольте и нам принять участие в поучительной беседе.

— Просим, просим, — расшаркались мы с капитаном.

— Прежде всего позвольте представиться. Меня зовут Фора, а это мои подруги — Фара и Фура. Итак, ваша первая задача: какая женщина следующая? Так вот, следующая — я. Почему я? Очень просто: считать надо не слева и не справа, а с той стороны, с какой вы подошли. Вы подошли с моей стороны, следовательно, я и принадлежу этому достойному джентльмену, чья очередь, — и Фора состроила мне глазки. — К сожалению, он — некапитан и это омрачает дело. Но с другой стороны, я хочу иметь цельного мужчину, и этот факт дело упрощает.

— Какая ерунда, — фыркнула Фара, сидящая посередине, — считать надо не с краю, с которого они подошли, а с первого взора. Так вот, этот джентльмен-некапитан первым обратил свой взор именно ко мне. Я прекрасно заметила, с каким наслаждени-

ем глаза его бродили по моему прекрасному телу. Именно я, Фара, а не Фора, принадлежу ему.

Вслушивая Фару, я невольно яростно краснел, никак не ожидая, что из-за меня разгорится сыр-бор. Нет, этот сыр-бор был мне бесконечно душевно близок, но капитан... я видел, что он мрачнеет и...

— Что за чушь? — сказала Фора, — и как ты докажешь, что он бросил свой взор именно на тебя. Если хочешь знать, дура, у него взор всеобщий, во всяком случае, очень обширный. Он охватывает всех женщин и страстно скользит по ним. И я всю кожу чувствовала это скольжение.

— Интересно, а меня-то здесь будут слушать? — раздражено сказала Фора. — Кто считает с краю? Кто считает с первого взгляда? Только идиотки. Считать надо не с краю и не со взгляда, считать надо с первого поцелуя. Вот когда этот господин вопьется кому-нибудь из нас в сахарные уста, тут и начнется настоящий счет.

— Это верно! — неожиданно воскликнула Фора.

Она легко соскочила со скалы, подбежала ко мне и сказала:

— Впивайся скорей!

И я, конечно, незамедлительно впился.

— Так и знала, что Фора обскочит нас на повороте, — сказала Фара с печалью, — видно, я ей сильно понравился, — ладно, придется покориться судьбе. Ну что ж, я готова служить Суеру, тем более что это первая половина капитана. Суер, я — твоя!

— Ну а я не собираюсь служить второй половине сомнительной фамилии, — сказала Фора. — Нет, Выер, я — не твоя! Если б мне досталась первая половина, то есть Суер, я бы еще подумала, а уж Выер — нет, увольте, я лучше пойду собирать опенки, пусть Суер наслаждается с Фарой, а Выер болтается без дела!

— Как же так! — воскликнула Фора. — Как это мы можем позволить Выеру болтаться без дела? Какой-никакой, а все-таки Выер. Чего в нем такого уж плохого? Ну Выер, ну и что? Не так уж мы богаты, чтоб разбрасываться Выерами налево и направо.

— А мне Суера достаточно, — сказала Фара, — а до Выера и дела нет. Кому нужен — пускай берет.

— Спать с Выером! Какой кошмар! — сказала Фора, возводя очи к небу, — отдавать свою чистоту второй половинке капитана! Нет, нет! Увольте!

— Перестань паясничать, Фора, — сказала Фора, — вчера еще была: мне бы хоть какого Выера... Твоя мечта сбылась! Забирай Выера и не мешай нашим наслаждениям!

Тут Фора обняла меня и трепетно увлекла в дюны.

Фара кинулась к Суеру, а Фора топталась на месте, не зная, с какого бока к Выеру приступить.

Но тут Выер, не будь дурак, сам приступил к ней, да так ловко, что она взвизгнула. А нам с Фарой было уже не до них.

Адские наслаждения — вот что стало предметом нашего неусыпного внимания и заботы.

Мы наслаждались до полного оупения, но никак не могли удовлетворить желание наслаждаться.

Мы падали в бездну наслаждений и старались эту бездну углубить, расширить и благоустроить.

В конце концов нам удалось создать очень и очень приличную бездну наслаждений, и только к закату мы начали из нее потихоньку выбираться.

Выбравшись из бездны, мы вернулись на берег океана.

Там уже сидели Фара с Суером и Выер с Фуруй.

Фора с Выером, к счастью, вполне помирились, непрерывно чмокались и строили друг другу куры.

— А Вы-ер был не так уж плох, — смеялась Фора, раскладывая на салфетке салаты и копчености, — еще и неизвестно, какая половина капитана интереснее!

— Знаешь, милый, — сказала Фора, обнимая меня, — это очень правильно, что вы не пошли дальше и остались с нами. Там, за скалами, живет голая женщина с шестью грудями. Ее звать Гортензия. Очень опасное существо.

ОСТРОВ НИЩИХ

Остров, в бухте которого «Лавр» бросил якорь, был довольно живописен: скалы, сколы, куртины, но люди... Люди, которые бродили по набережным, вызывали острейшее чувство жалости.

Все они были оборванные, на костылях, кто сидел, кто лежал,

кто ковылял, кто валялся.

Они протягивали руки, явно прося подавание.

— Ну, что скажешь?

— Похоже, что это нищие, сэр.

— Сам вижу, что нищие. Но как это может быть? Одни только нищие. Где же подающие?

Подающих не было видно. Как мы ни разглядывали остров в сильнейшие квартокуляры, хоть копейку подающих не нашли.

— Очевидно, они думают, что подающие — это мы, сэр.

— Мы?

— Ну конечно. У нас роскошный фрегат. Из камбуза пахнут щами, вон у Чугайло зуб золотой, Хренов явно пил портвейн, капитанский краб чистого золота, старпом гладко выбрит, лоцман — еврей, так что мы вполне похожи на подающих.

— Ну и что делать? Сходить на берег или нет?

— Решайте, кэп. В конце концов, почему бы не подать милостыню Христа ради? Надо подавать по мере возможности.

— Действительно, — сказал капитан, — Христа ради можно и подать. Наберите в карманы мелочи, каких-нибудь там колек, и сойдем на берег.

— Если уж вы подаете Христа ради, то зачем мелочиться, кэп? — сказал нектати я. — Почему «набрать там копеек»? Подавайте копейки ради себя, а Христа не приплетайте.

— Что еще такое? — сказал капитан, с неудовольствием оглядывая меня. — Зачем, интересно, ты вылез из каюты? Меня учить? Сидел бы там и угрызался куском поросятины. Ты сам-то сколько собрался подавать?

— Подаю по силам.

— И на какую же сумму у тебя этих сил?

— Смотря по обстоятельствам.

— Ну и какие сейчас у тебя обстоятельства?

— Весьма скромные.

— Отчего же это они такие скромные? Пьешь, что хочешь, даже из капитанских запасов, столуешься с офицерами, фокстаксели при этом налево не травя, что-то чиркаешь в пергаменте, а что начиркал, никто не проверял.

— Вы хотите сказать, что на судне имеется цензура?

— Я об этом говорил, и не раз. Когда веревочный хотел послать их судно на... я не велел. Не позволил писать такое флажками, осквернять флажки «Лавра».

— А уста?

— Что уста?

— Устно-то вы сами посылали, и не раз.

— Ну знаешь, брат, цензура есть цензура, она не всеильна, всюду не успевает. Но на флажки я всегда успею!

— Но на пергаменте я «чиркаю» отнюдь не флажками.

— А нам это нетрудно перевести! Челуха! Эй, веревочный! Изобрази-ка флажками, чего там начиркал этот господин, а уж мы проверим, цензурно это или нецензурно. Давай-давай, тяни веревки!

— На все дело, пожалуй, флажков не хватит, — сказал веревочный Верблюдов, заглянув в пергамент. — Ну ладно, поехали с богом!

И он вытянул на веревках в небо первую фразу пергамента: **ТЕМНЫЙ КРЕПДЕШИН НОЧИ ОКУТАЛ ЖИДКОЕ ТЕЛО ОКЕАНА.**

— Твердо. — читал капитан, — е-ё, мыслите... так-так, наш и краткое... кажется, прет явная нецензурица како... **КРЕПДЕШИН НОЧИ...** ого! это образ! ...сильно, сильно написано, ну прямо Надсон, Бальмонт, Байрон. Блок и Брюсов сразу! Тэк-тэк. Живот, добро... **ЖИДКОЕ ТЕЛО...** достаточно.

Капитан дочитал фразу до конца и утомленно глянул на меня.

— Это ты написал?

— Выходит так, сэр.

— Ну и что ты хочешь этим сказать?

— Ну, дескать, ночь настала, — встрял неожиданно Кацман.

— Да? — удивился Суер. — А я и не догадался. Неужели речь идет о наступлении ночи? Ах, вот оно что. Но интересует вопрос: цензурно ли это?

Заткнутый лоцман помалкивал, а старпом и мичман, механик и юнга туповато глядели на веревки и флажки, но высказываться пока не спешили.

— Одно слово надо бы заменить, — сказал наконец старпом.

— Какое? — оживился Суер.

— Тело.
 — Да? А что такое?
 — Ну... вообще, — мялся старпом. — тело, знаете ли... не на-
 зовут... могут подумать... лучше заменить.
 — И жидкое, — сказал вдруг Хренов.
 — Что жидкое?
 — И «жидкое» надо заменить.
 — А в чем оно нецензурно?
 — Да у нас всюду жидкости: перцовка, виски, пиво... могут
 подумать, что мы вообще плаваем по океану выпивки.
 — Заменить можно, — согласился капитан, — но как?
 Хренов и старпом посоветовались и предложили такой вариант:
**ТЕМНЫЙ КРЕПДЕШИН НОЧИ ОКУТАЛ ЖУТКОЕ ДЕЛО
 ОКЕАНА.**
 — Тогда и крепдешин надо менять, — сказал механик Семе-
 юв, — лучше уж сразу: «хрендешин»! И все ясно!
 — Литература есть литература, — пожал я плечами, — менять
 можно что угодно. Важно, как все это прочтут народные массы.
 — Важно? Тебе важно, как они прочтут? Ну и как же они проч-
 тут?
 — Они будут потрясены, сэр, поверьте.
 — Сомневаюсь, что эта фраза вообще дойдет до народных
 масс, — сказал Суер с легким цинизмом. — Это написано слиш-
 ком элитарно. Для таких, как я или вот Хренов.
 — Знаете, сэр, — сказал я, — трудно доказать труднодока-
 зуемое, но в данном случае доказательство налицо. Народные
 массы потрясены.
 — Это насчет Чугайло?
 — Гляньте на остров, сэр!
 Да, друзья, на острове происходило нечто невообразимое.
 Нищие повскакивали с мест, размахивая костылями и протез-
 ами.
 В середине стоял на камне какой-то толмач, очевидно, старый
 моряк, который, указывая пальцем на флажки, читал им по скла-
 дам нашу скромную фразу.
 Как громом пораженные разинули они свои искусственные
 рты, оттопыривали ладонями уши, силясь понять всю прелесть,
 остроту, музыкальность и образность нашей прозы, пытаясь по-
 стичь, зачем, почему, к чему, для чего, как относятся к ним сло-
 ва, начертанные в небе флажками.
**ТЕМНЫЙ КРЕПДЕШИН НОЧИ ОКУТАЛ ЖИДКОЕ ТЕЛО
 ОКЕАНА.**

МИЛОСТЫНЯ

Воюющая, орущая, свистящая толпа окружила нас и стала хватать за локти, за полы халатов, за рукава, за орденские ленты.
 — Дай! Дай! Крепдешину! — орали многие.
 — Жидкого тела! Жидкого тела! — просили и другие.
 Каким-то образом некоторые узнали, что у Кацмана есть два
 фейерверка. Они дергали лоцмана за фалды с криком:
 — Подай фейерверк! Подай фейерверк!
 — А ну-ка цыц! — гаркнул Пахомыч. — Разойдись по местам!
 Сядь! Прось культурно! А то ни хрена, кроме хрена в небе, не по-
 получишь! Ясно? Кому говорю?! Заткнись! Не ори! А то сейчас живо-
 го Чугайлу с борта привезу! Он тебе подаст крепдешину в харю!
 Нищие то ли напугались Чугайлы, то ли поняли, что хором нас
 не возьмешь, разошлись с легким ворчанием по своим законным
 местам и расселись в некотором скромном порядке.
 Первым в этом чудовищном ряду сидел человек с деревянной
 рукой. Рука эта абсолютно бездействовала, а только тянулась
 к нам, однообразно приговаривая:
 — Подайте человеку, у которого деревянная рука!
 Подайте человеку, у которого деревянная рука!
 Подайте человеку, у которого деревянная рука!
 Суер подал целковый.
 Старпом — гривенник.
 Я подал подаяние.
 Лоцман Кацман подал прошение об отставке.
 — В чем дело, Кацман? — спросил капитан. — Сейчас не вре-
 мя шуток, я бы сказал, кошутственных!
 — Подою, что могу, — отвечал лоцман. — кстати, этот человек
 богаче меня. При наличии деревянной, вырезанной, скорее всего,
 из жимолости руки у него имеются и две другие: левая и правая.

Наш деревянный нищий, действительно, отложив в сторону
 резьбу по дереву, свободно философствовал двумя другими
 руками, пересчитывая подаяние.

— Такой феномен, — заметил я, — наблюдается в русской
 иконописи, где очень любима и почитаема чудотворная икона
 «Троеручица».

— Да-да, — припомнил Суер. — Богородица на этой иконе од-
 ной рукой младенца держит, другой — ласкает, третьей — бла-
 гословляет. Этот же человек одной просит, другой берет, а тре-
 тьей в карман прячет.

— Что же получается, голубчик, — сказал старпом, — вы нас
 обманули? Надули? У вас две живых руки, а вы нам подсунили
 деревянную!

— Зато смотрите какая резьба! — воскликнул нищий. — Сей-
 час уже так никто не режет! Кроме того, я не подсовывал, я толь-
 ко показал вам деревянную руку и попросил подаяние. Вернуть
 гривенник?

— Милостыня есть милостыня, — сказал Пахомыч, — в конце
 концов, ваша третья рука всего лишь деревянная, хотя и зараба-
 тывает больше других.

Дружески попрощавшись с троеруком, мы двинулись дальше
 и скоро подошли к человеку, который сидел в пыли и посыпал
 пеллом главу свою.

— Подайте на пепел, — говорил он, — подайте на пепел!

— А зачем вам пепел? — спросил капитан.

— Главу посыпать.

— А что у вас мало пеплу, что ли? — спросил старпом.

— Кончается. Я, конечно, как посыплю, потом собираю, но ве-
 тер развеивает, и расходы пепла имеются.

— А вообще-то, в чем дело? — спросил дотошливый лоцман.
 — В чем смысл этой посыпки?

— А вы что, сами не видите?

— Да вроде не видим.

— А вы присмотритесь повнимательней. У меня ведь глаза
 некрасивые!

— Некрасивые?

— Очень.

— Не заметно, — сказал лоцман, — пеплу много, а глаза нор-
 мальные. Конечно, не Бог знает что, не царица Савская, но впло-
 не... глазенки.

— Это вам так кажется, — сказал некрасивоглазый, — на са-
 мом деле очень некрасивые, поверьте.

— Да хрен с ним, — сказал Пахомыч, — милостыня есть мило-
 стыня. Подадим на пепел, а с глазами пускай сам разбирается.

Старпом подал гривенник.

Суер — целковый.

Я подал подаяние.

Лоцман подал прошение о помиловании.

Некрасивоглазый прочел прошение лоцмана, достал из кар-
 мана синий карандаш и широким жестом написал поперек:

ОТКАЗАТЬ!

Распрощавшись с некрасивоглазым, но находчивым в смысле
 лоцмана нищим, мы направились дальше.

Довольно скоро откуда-то из кустов конкордия мы услышали
 тоскливый призыв:

— Подайте нищему духом! Подайте нищему духом!

Раздвинув хрупкие ветки, мы увидели человека, на вид совер-
 шенно нищего духом.

У него были пустые глаза, впалый лоб, плоские плечи, при-
 сутствующее в дальних странах выражение лица, отсутствующий
 взгляд, грубые ступни кожаных полуботинок, бессмысленные
 движения рук и ног, вялые квадраты клеток на ковбойке.

— Да-а, — сочувственно протянул старпом, — на вид совер-
 шенно нищий духом.

— Ну, может, у вас есть хоть немножечко духа? — спрашивал
 Суер. — Хоть капельку?

— Нету ни хрена, — отвечал нищий духом, — вы уж подайте
 мне милостыню, а то духу нету.

— А как же вы живете с духом-то с таким? — спросил лоцман.

— Да прямо сам не знаю. Мучаюсь ужасно. Главное, что я не
 только нищий духом — я еще и падший. Падший духом, понимаете?
 Это же просто ужас: и так-то духу нет, а он еще и падает!
 Кошмар, дорогие сэры! Короче, подайте, кто может.

Старпом подал гривенник.

Суер — целковый.

Я, как обычно, подал подаяние.

Лоцман подал руку.

— Это еще что такое? — спросил нищий духом, увидев руку лоцмана.

— Моя рука, друг, — отвечал Кацман, — вот что поднимет ваш дух сильнее злата!

— Вы думаете? — засомневался нищий духом, напряженно рассматривая лоцманскую ладонь в поисках хоть грошика.

— Да вы пожмите ее, — посоветовал лоцман.

Нищий духом осторожно взял лоцманскую ладонь, пожал ее, растерянно оглядываясь по сторонам.

— Ну как, — спрашивал лоцман, — маленько поднимает?

— Да вроде нет, — отвечал нищий духом.

— А не укрепляет ли?

— Что?

— Да дух-то ваш.

— Нет, дух мой сломлен окончательно.

— Ну тогда и хрен с тобой, дружище, — сказал лоцман, — если уж моя рука не помогает — никакие червонцы не помогут, — и он двинулся вслед за нами.

Мы приблизились к человеку, который монотонно твердил себе под нос:

— Подайте беженцу! Подайте беженцу!

И действительно, вид у него был загнанный, как у зайца.

Не успели мы к нему подойти, как вдруг он вскочил, затряс руками и плечьями и, эдак дергаясь, кинулся стремглав бежать с криком «Отстань! Отстань, проклятый!» Пробежав круг с двести ярдов, он пал на землю.

— Подайте беженцу! — задыхался он.

— От чего вы бежите, друг? — доброжелательно спросил Суер.

— Я бегу от самого себя, сэр, — отвечал нищий, обливаясь потом.

— И давно?

— Всю жизнь. И никак не могу убежать. Этот противный «я сам» все время меня догоняет. Да вы поглядите.

Он снова вскочил с места, закричал самому себе: «Отстань! Отстань, мерзавец!» — и рванул с места так, что песок брызнул из-под копыт.

Пробежав двести ярдов, он вернулся обратно и рухнул на песок.

— Вы видели, сэр? Видели? Мне удалось обогнать самого себя на тридцать восьмом скаку, но на семьдесят девятом эта сволочь снова меня догнала! Подайте, сэр, беженцу от самого себя.

Суер подал целковый.

Старпом — гривенник.

Я подал подаяние.

Лоцман подал пример достойного поведения в обществе. Он ходил, помахивая тросточкой, покручивая усы.

Несчастный беженец вдруг снова вскочил и на этот раз взял старт с большой ловкостью. Это был настоящий рывок рвача с места!

И вдруг мы с изумлением увидели, как наш беженец выскочил из самого себя, обогнал вначале на полкорпуса, на корпус, оторвался и, все более и более набирая скорость, ушел вперед, вперед, вперед...

— Не догонишь, гад! — орал тот, что убежал от самого себя, а тот, от которого убежали, орал вслед:

— Врешь, не уйдешь!

Дикие животные сказки

ЛА СКАЛА

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Жаворонок Милочка, якобы всегда вставая раньше всех, заводила свой музыкальный будильник на четыре тридцать утра, но сама при этом не просыпалась.

Дело доходило до того, что она ставила свой будильник, допустим, на комод, а сама ночевала под столом на кухне, только чтобы не слышать звона.

Будильник, таким образом, звенел, все соседи постепенно просыпались, у лягушки Женечки бурлило в котлах, леопард Эдуард варил первую чашечку кофе, мышь Софа утаптывала новые опилки в комоды и т.д.

А умная Милочка спала сколько хотела, а потом, отдохнувши на славу, она вставала, не спеша полоскала горлышко лимонной настойкой (все это под звон будильника), хорошо отхаркивалась и приступала к вокальным упражнениям уже соло, разумеется, отключивши будильник.

Она готовилась к поступлению в миланскую оперу «Лестница», что в переводе звучит как «Ла Скала».

То есть несмотря на то что жаворонок Милочка жила в свое удовольствие, репутацию она сохраняла безупречную.

Единственная закавыка: она вынуждена была петь, как поет будильник, чтобы никто ничего не заподозрил.

А с таким пением не то что на лестнице, и в Большом театре нечего делать, где всяко поют, но не как будильник же.

Предыдущие «Дикие животные сказки» читайте в №№ 22—52, 1993 г., и в №№ 1—8, 1994 г.

